

Учёные записки Кафедры славянской филологии
A PTE Szláv Filológia Tanszék tudományos közleményei

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ПЕЧСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

(ПОСВЯЩЕНО ОТКРЫТИЮ РУССКОГО ЦЕНТРА В Г. ПЕЧ)

Редакционная коллегия:

В. Вегвари – Р. Волош – М. Поварницына

Печ, 2011

A PTE SZLÁV FILOLÓGIA TANSZÉK
TUDOMÁNYOS KÖZLEMÉNYEI
(A PÉCSI OROSZ KÖZPONT MEGNYITÁSA ALKALMÁBÓL)

Szerkesztették:

Povarnyicina Marina – Végvári Valentyina – Wolosz Robert

Pécs, 2011

Доценко С. Н. (Таллинн, Эстония)

О каламбурах А. Ремизова

Французский язык Ремизов знал довольно прилично – изучал его в Александровском коммерческом училище, основателем и попечителем которого был его дядя, Н. А. Найденов, купец 2-й гильдии, представитель знаменитой в Москве купеческой семьи. И хотя в аттестате Ремизова, выданном 30 июня 1895 г., его знания по французскому языку (а также – по немецкому, русскому и английскому) были оценены как «удовлетворительные» [см.: Ремизов, 2000, с. 517], на самом деле невысокая оценка оказалась результатом специального распоряжения Н. А. Найденова, о чем вспоминал сам Ремизов: «Перед выпускными экзаменами сделано было распоряжение от попечителя училища, Н. А. Найденова, экзаменовать меня со всей строгостью. <...> И на экзамене все мои обычные пятерки снизились на тройки, и только по географии, химии и законоведению ничем меня не могли ошарашить» [Ремизов, 2000, с. 297]. Свидетельство отличного знания Ремизовым французского языка – его переводы произведений Ф. Достоевского: романа «Идиот» и рассказа «Скверный анекдот» [см.: Sinany, 1978, р. 113]. В нашей статье мы рассмотрим несколько каламбуров Ремизова, возникших на стыке русского и французского языков.

1. Креветка (écrivain)

В мемуарной книге «Иверень» (гл. «Писатель»), рассуждая о своем писательстве, Ремизов вспоминал: «В Префектуре люди ума не нашего и глаз наметался на лютого зверя и птицу перелетную, там не ошибутся, и как я не насильствовал, ссылаясь на мое французское «схвощение» (мои книги ведь издаются только не по-русски, а по-французски), в картдидантитэ на «писателя» не согласились, а самое большее – и много лет ходил я в самозванном звании «журналиста», а в годы оккупации – и разве это не проницательность? – мне поставили «без профессии». И только последнее время, надоел, видно, приставаниями, да и мой возраст предельный, мне вписали *écrivain* (писатель). И это

было так неожиданно, так растерялся я от такого признания, что четко и безгрешно написанное *écrivain* схвачено было моим глазом и прозвучало моему «абсолютному» уху, как *écrevisse* (рак речной, на здешнем русском: «креветка») и уж вареной креветкой вышел я из префектуры <...>» [Ремизов, 2000, с. 266].

Иными словами, Ремизов обыгрывает каламбурное сходство двух французских слов: *écrivain* (писатель) и *écrevisse* (рак). Второе же слово *écrevisse* ассоциируется у него с другим видом ракообразных – креветкой (хотя во французском языке креветка – *crevette*).

С одной стороны, каламбурное уподобление писателя раку (и креветке) призвано показать, что Ремизов не претендует на высокий статус писателя (отметим любопытный факт: по знаку Зодиака Ремизов был именно раком). С другой стороны – у этого каламбура есть и второй смысл, менее явный. Французское слово *écrivain* означает не только «писатель», но и «писец», «писарь» (*écrivain public* – общественный писарь; *écrivain apostolique* – секретарь папской канцелярии; *écrivain lithographe* – художник-гравёр). А это второе значение слова *écrivain* отсылает к избранному Ремизовым образу писца, переписчика, мастера каллиграфии и рисовальщика [см.: Грачева, 1992, с. 7-10].

2. «Сундук» (*malle*)

В письме М. Вишняку (редактору журнала «Современные записки») от 3 марта 1931 г. Ремизов сообщал: «Дорогой Марк Вениаминович, обратите Ваше внимание на мой адрес («Совр<еменные> зап<иски>» получаю по старому с большим опозданием): 3 bis, av<енue> Jean-Baptiste Clément, Boulogne s<ur> S<eine>, 1 подъезд, 2 étage à gauche (кнопка). В рассказе 36.000 б<укв>, т. е. 900 газ<етных> строк. Хотел бы за него получить 500 frs «сундуком»» [Ремизов, 1931].

Речь идет о рассказе Ремизова «Три желания» [см.: Ремизов, 1931]. У комментатора, несомненно, вызовет недоумение странное выражение: «получить 500 frs «сундуком»». Что значит – «получить сундуком»? В русском языке такая идиома неизвестна. Однако во французском языке есть слово «*malle*», которое означает как «дорожный сундук (дорожный чемодан)», так и «почтовую карету» (ср. устар. слово: *malle-poste*). Отсюда, возможно, происходит ремизовское идиоматическое выражение «получить сундуком», которое означает: гоноرار за опубликованный рассказ он хочет «получить почтой (почтовым переводом)».

3. Репей (Reavey)

В книге Ремизова «Учителе музыки» есть такой эпизод: «Около Билиса сидел молчаливый ирландец Жорж Репей, спутник Билиса, который, как говорится, «держал кисточки»; кисточек у него никаких не было, потому что Билис рисовал углем, а имел он в руках огромный альбом – портреты французских писателей и прочих знаменитостей, украшенные самыми фантастическими орденами» [Ремизов, 2002, с. 201]. Джордж Риви (George Reavey, 1907-1976 гг.) – известный английский славист, переводчик А. Ремизова и Б. Пастернака. О нем Ремизов сообщал в письме Н. Кодрянской (3 апр. 1952 г.): «Georgea Reaveya (Репея) знаю 25 лет, он часто приходил к нам – он по шерсти был похож на свиного поросенка и дверь затворял за собой ногой, как крючком. Великий молчальник – часами мог высидиваться в уголку на диване, молча. Переводил мое. Сюрреалист. Говорит по-русски (его мать русская) и по-французски. Не англичанин, а ирландец» [Кодрянская, 1977, с. 255]. Ирландскую фамилию знакомого и переводчика своих произведений (в частности, Дж. Риви в 1930 г. перевел на французский язык рассказ Ремизова «Бику») Ремизов *воспринимает* как слово, похожее на русское слово «репей». Скорей всего, в данном случае речь идет о паронимическом сходстве: хотя фамилия *Reavey* и произносится как «Риви» (с ударением на первом слоге), Ремизов произносит ее, вероятно, на французский лад (с ударением на последнем слоге). Тогда фамилия *Reavey* действительно чем-то напоминает русский «репей».

4. Шваль (Cheval)

В книге «Учитель музыки» (гл. «Кэмпер») Ремизов рассказывает о поездке в Бретань: «От Кэмперле до Кэмпера дорога промелькнула, не заметили – всего одна остановка – и до чего Россию напомнило: самый воздух русский и поля, и деревья, и лес, который растет по старине со мхом, не отшлифованный и не расчисленный. А ведь очень все вышло по-глупому. «Рапид» на целый час обогнал нас, а этот час перевернул нашу судьбу. Наконец-то и мы приехали – перетряслись – все бока отсижены, но это пройдет. Погода прекрасная, станция веселая. Приехали, а не знай, где перебыть ночь. И не в субботу дело, а совсем непредвиденное, что угодили на ярмарку – «фуар»: нет свободных комнат. На такси объездили все отели: везде занято. Попади мы на «рапид», еще возможно, что и нашлось бы – все расхватили «рапидисты». И вернулись мы на вокзал – неужто наша такая судьба: дежурить

ночь на вокзале! А только видим: как раз против вокзала ресторан «Cheval noir» – мы в эту «Шваль» – имя-то какое, точно насмех! – и что же вы думаете, оказалась незанятая комната. Конечно, на эту «шваль» вряд ли много охотников найдется, но все-таки лучше, чем на вокзале или за 16 километров трястись, куда нам в отелях указывали» [Ремизов, 2002, с. 240].

Всего в этом рассказе Ремизов 10 раз «переводит» названия отеля «Cheval noir» (буквально: «Черная лошадь») как «Шваль», явно акцентируя иное значение этого слова, известное в русском языке: «шушера», «сволочь или сброд», «дрянной людишка» [Даль, 1956, с. 625]. Нужно отметить также, что в книге «Учитель музыки», посвященной жизни писателя во Франции в 1920-1930-е годы, Ремизов обычно не переводит французские названия городов, церквей, улиц, площадей, островов и т. п., а прибегает к их транслитерации кириллицей (например: Катедраль, «шапель», Авеню Мозар, набережная Одет, Пуант-дю-Раз, Сен-Геноле, Иль-де-Сен, Пон-Круа, Дуарненез, маяк фар д-Арман, бухта Бэ-де-Трепассе и др.). «Перевод» французского Cheval как «шваль» понадобился ему именно для каламбурного обыгрывания названия плохой, непрезентабельной гостиницы.

5. Василий (Bastille)

В книге «Учитель музыки» Ремизов вспоминал: «Париж, где по слову баснописца Куковникова, 14-го июля в праздник «взятия Васильева» танцует день и ночь и этот «стомиллион», какие видел я рожи – реминисценция из «Вия» – эти «пирамиды с языком наверху», это «черное со множеством рук», это «красновато-синее с двумя хоботами», это «тонкое и длинное из одних глаз» или только «крылья и хвосты»» [Ремизов, 2002, с. 195].

Выражение «взятия Васильева», приуроченное к 14 июля, очевидным образом есть каламбурная замена выражения: «взятия Бастилии». Этот каламбур возникает благодаря звуковому сходству двух слов: французского названия королевской тюрьмы в Париже (Bastille) и французского варианта имени Василий (Basile). Впрочем, у этого каламбура есть не только звуковая, но и семантическая мотивировка: имя Василий (восходящее к древнегреческому Βασίλειος) имеет значение «царственный». А тюремный замок Bastille не только был королевской тюрьмой, но и символом королевской власти, уничтоженным вместе с самой этой властью во время Великой французской революции в 1789-1791 гг.

Чем можно объяснить обилие каламбуров (а также – французских слов и лексических галлицизмов) в автобиографической прозе Ремизова (особенно – в книге «Учитель музыки»)? Очевидно, тем, что сам Ремизов, русский писатель-эмигрант, оказался во французской языковой среде. Именно столкновение двух языков, русского и французского, стало благодатной почвой, на которой возникли паронимические эффекты (каламбуры) в прозе Ремизова: «Соль каламбура заключается в разительном контрасте между смыслом одинаково звучащих слов» [Каламбур, 1931, стб. 53]. Одновременно можно предположить, что русский писатель Ремизов, живя в Париже, пытался создать своего рода «парижский диалект» русского языка. Впрочем, последняя гипотеза нуждается в более основательных доказательствах.

Литература

- Грачева А. 1992. Писец и изограф А. Ремизов // Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб.: Хронограф, 1992. С. 7-10.
- Даль В. 1956. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. IV.
- Каламбур 1931// Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1931. Т. 5. Стб. 52-53.
- Кодрянская Н. 1977. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977.
- Ремизов А. 1931. Письмо М. В. Вишняку. 3. 03. 1931. Lilly Library. Vishniak papers. F. 116 (Indiana University, Bloomington).
- Ремизов А. 1931а. Три желания // Современные записки. 1931. № 47. С. 65-85.
- Ремизов А. 2000. Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000.
- Ремизов А. 2002. Собр. соч. Т. 9. Учитель музыки: Каторжная идиллия. М., 2002.
- Sinany H. 1978. Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov. Établie par H elene Sinany. Paris: Inst. d'etudes slaves, 1978.